

(Обо мне и квир-поэзии)

Фридрих Чернышёв

Название этого текста я заключил в скобки не случайно. Таких «Скобок» много в моей поэзии, хотя формально они там не всегда проставлены. В какой-то момент я понял, что без скобок квир-поэзию объяснить не получается. Точнее, без них она не работает. То, что заключено здесь в скобки, является не менее смыслообразующим, чем то, что от этих скобок свободно. Потому что квинность – это «выворачивание наизнанку».

Возможно, именно заключенное в скобки, подразумеваемое, высказанное непрямо, через нагромождение гиберовских цитат и новостей о том, как ограбили секс-шоп, – тут, в моих текстах и в моей жизни является куда более значимым и говорящим, чем произнесенное.

Ключ к моей поэзии – это моя биография. Все свои стихи я делю на манифестарные, политичные, репрезентирующие квир-опыт и лирические, отражающие гомосексуальный опыт. И те, и другие, как правило, относят к квир-поэзии. Но сам я вижу квир-поэзию только в первом типе письма. Потому что квир – это политическая позиция. Позиция маргинальная, травматическая. Позиция кричащего тела, а не двух занимающихся сексом мужчин.

*

сегодня нас больше чем два
мальчик выбирающий хищников
смутился и не согласен

за запертой дверью шептаться
заглушая голос желания

всё это решаемо если
поиграть в тихий секс
производить как можно меньше
механического шума
задержать дыхание
задержать мгновение

выпори меня так будто я сплю
 выеби меня так будто я сплю
 звук это знаешь ли жидкость
 выходящая через
 кожу

(только сегодня и только с тобой)
 так чтоб ни на кого
 не похоже

Это стихотворение вовсе не квирное. В нём отражён опыт гомосексуальности (секс двух мужчин в ситуации, когда третий отказался), и такую поэзию можно было бы назвать квирной, если бы она была написана, к примеру, в 90-е. Конечно, для многих людей именно такая откровенность определяется как черта квир-поэзии. Для меня это, повторюсь, не про секс. Гомосексуальность становится куда менее политической после декриминализации в 1993 году, квир же – как политика – предполагает некое поле травмы, протеста (или нарочитого от него отказа), социального неудобства. Например, когда тело и/или опыт автора выступают как инструменты изувеченной инаковости – той, от которой хочется отвести взгляд.

*

«когда последний раз я
 стирал кожу мочалкой до кости
 пытаюсь смыть ласки ушедших
 любовников?»

В приведенном здесь фрагменте другого моего текста квирность уже прослеживается в намечающейся метафоре перехода, с которым я вообще много заигрываю. Но говорить об опыте перехода (как раз о крайне квирном опыте) в той манере, которая мне близка – с помощью двух-трехслойных образов-ребусов – оказалось непросто. Поскольку читателям, не имеющим такого опыта, такие образы не только непросто разгадать, но и вообще сложно их заметить, воспринять их как ребусы, требующие разгадки. Например, здесь говорится про мастэктомия:

я могу плавать уже три года
 и до этого мог но раньше
 за это небольшая плата

я просто ничего не чувствую
ни боли ни холода после скальпеля
я ничего не чувствую.

Один из самых манифестарных для меня текстов – это стихотворение про менструальные штаны:

у парня напротив
косуха две цепи на штанах
шапка Деда мороза
цепи на штанах мне напомнили
между этих цепей выглядывает карман
есть джинсы-инженеры, скинни и трубы
а это – менструальные штаны

м.ш. – особый вид джинс
на каждой коленке сбоку – карман
они предназначены только для одного:
если ты пойдешь работать в обувной
магазин
и прекратишь колоть тестостерон
ненадолго
то в правом кармане м.ш. у тебя будут
тампоны
а в левом пластиковые пакетики для
использованных

каждое средство гигиены мигрирует
справа налево
и живет в мусорном карманчике
до станции метро оболонь
все свое на себе над коленками

м.ш. особый вид камуфляжа
чтобы никто из уборщиц мужского туалета
не разгадал твой секрет

Оно отражает мой реальный и очень страшный опыт транс*мужчины.
Многие путают меня с девушкой из-за любви к андрогинной одежде, пла-

тъям-рясам и крашеным волосам. Парадоксально, но вряд ли эти люди понимают, насколько то, что они говорят, близко к моей телесной правде. Уверен, у людей, орущих мне вслед, что я не в тот туалет иду, в своем платье путаясь и проходя мимо стоящих у писсуара мужиков, нет никаких знаний о трансгендерности (зато есть стереотипы о том, что женщина – это, по сути, вагина). Для них я просто несоответствующий нормам мужчина, а для более продвинутых – почему-то трансгендерная женщина. Ну, в платье же, с украшениями, с бородой – точно «транс»! А у меня в этот момент возникает ощущение, что меня раздели, «разоблачили».

И вот такой я, про которого коллеги всё гадали, гей я или «трансгендер» (не люблю это слово, т.к. в 90% случаев оно как раз синонимично вот такой трансгендерной женщине, которая как «переодетый мужик»), прусь со своей менструацией в мужской туалет. Потому что в женский идти уж совсем небезопасно. А мужской туалет – это отсутствие возможности тот самый окровавленный тампон выбросить. И каждый раз, когда туда идёшь, возникает паранойя, особенно после того, как некоторые люди (включая уборщицу) или кричат, что ты идёшь не туда, или идут за мной, попутно обсуждая, в какой же туалет этот самый «трансгендер» (конечно, «девочка с членом»), а что, бывает иначе?) пойдёт. Так себе удовольствие.

*

Наверное, для меня квир-поэзия – это не только поэзия травмы, идентичности, телесности. Это ещё и поэзия парадокса – описание опыта, о котором сказать невозможно, потому что для этого нет готового языка, но и не_сказать нельзя – потому что как иначе передать эту запертость мечущегося внутри крика, крика той самой травмы, идентичности, телесности:

«когда мы расчленили
русалочку
закатали куски ее хвоста
в банки шпрот и сардин
средние пальцы ног
в салат с беби-осьминожками
хвостовые плавники
пошли на тартар и такую
химическую намазку на хлеб
насадку на пенис
накладной коленный мениск
ее чешуя плохо счищалась

я вспоминал как мама чистила
рыбу специальным ножом
вонючую
перемазанную в крови

оказалось что её пизда
никогда не была тронута
у нее даже не было оттока
для месячных
под чешуей скопилась
засохшая кровь
с самого
их начала
большие половые губы
закальцинировались в створки
моллюска
можно было высасывать
соленый секрет пахнувший
гарднереллезом из каждой
я ел икру ее яичников
намазывая на хлеб
на язык
принимая ее в пизду и анус
щекоча себя пальцами

ее рыжие длинные волосы
ее приоткрытый рот с плохими зубами
ее перемазанное засохшей спермой
лицо

я тот кто забрал ее голос
тот кто успел первым
я выменял его на собственную грудь
отрезая ее по частям засовывая
словно хуй до самой гортани
трамбуя ее пальцами
щекоча перстневидный хрящ
сжимающий пульсирующий
вокруг каждой фаланги

во всех моих кошмарах
я ебу русалочку
в рот
длинным толстым хуем
с ярко выраженной головкой
она сопротивляется и не может
дышать
отрезанный хвост продолжает
дёргаться бить меня
по бедру
она задыхается дёргает головой
из стороны в сторону
я трусь об миндалина
засаживая на всю глубину
вращаясь по
часовой

я срываюсь на хрип и крик
она хватает меня
за грудь
кистями-тридакнами
со зловещим бульканьем расползающегося
живота
хватает за плоское
место
прикладывает
обжигающий холод
наркоз
нечувствительность
она откусывает мой хуй
языком из угрей и мурен
щекоча мою шейку
матки
створки ее пизды
хлопают туда сюда
с характерным щелчком
срезают мои верхние
частоты
невозможность

запеть
невозможность запеть никогда
невозможность проснуться от крика»

К мотиву андерсеновской русалочки я обращаюсь не впервые: это и про некую невозможность «полного» трансгендерного перехода, и про дорогую цену за желаемое телесное. Финальные строчки про неспособность запеть – прямая отсылка к сломавшемуся на гормонотерапии голосу, т.е. к невозможности вернуться назад, к некоей запертости в теле и опыте. Есть тут и другой кусочек уникального опыта: трансгендерные люди очень по-разному видят себя во снах. Иногда такими, какими они были до перехода, иногда – такими, какими они стали после.

Когда-то я сказал, что большинство моих текстов открываются ключом моей же трансгендерности. Так вот, пойду дальше: большинство «женских» персонажей моих текстов – любовницы или сёстры – это я сам. Воспоминания невозможно «отсоединить» от телесности: могу ли я, вспоминая детство, говорить о себе в мужском роде? Что мне сказать о моих любовниках, возможно, до сих пор не знающих о том, что я совершил переход? Что определяет, гендеритрует мое тело? Момент осознания трансгендерности (у меня это произошло в 19-20 лет)? Не стирает ли это, новое тело, собственное прошлое и память? Не смывает ли «ласки ушедших любовников»? Не являются ли они «соучастниками», утверждая мою идентичность любовью ко мне как к мужчине («мы расчленили»)? Что делать, если из всех тел/идентичностей выжить может только «один», но все они – ты? Является ли переход селфхармом? Сколько стоит такое тело и чем необходимо расплачиваться, если не им же? Как вообще находить язык для такого опыта, когда за тело, словно русалочка, платишь голосом?

Весь мой опыт – здесь, в моих стихах. Главное, присмотришься к зазорам, взгляни на них через другую призму, и после этого уже не сможешь не замечать всех посланий, оставленных для тебя.